

КРУШЕНИЕ АНГЛІЙСКАГО ФРЕГАТА ФЕНИКСЪ.

Въ Западной Индіи — острова противу средины Америки — есть два большихъ острова: Куба и Ямайка; первый былъ въ тѣ поры въ рукахъ Испанцевъ, а второй у Англичанъ. Англичане были съ Испанцами въ войнѣ. Англійскій фрегатъ Фениксъ, кончивъ крейсерство свое, направилъ путь въ Ямайку.

Съ полуночи — говорить лейтенантъ — я стоялъ на вахтѣ. Съ боку раздалось: «Бурунъ передъ носомъ!» Взглянуль — берегъ на подвѣтренный крамболъ. «По мѣстамъ! Лѣво на бортъ! Кливеръ долой!» Фрегатъ благополучно повертиль. «На русленяхъ! Бросай лоть и сказывай!»

Двадцать—одинъ! «Держи полнѣе!» Двадцать. Темно, не видать ни зги; но такъ какъ мы попали было на берегъ при курсѣ ЭЭО, то капитанъ приказалъ привести тотчасъ на NNW, и лотовой началь покрикивать: Двадцать—пять! Двадцать—восемь! Пять сажень! «Хорошо, бросай

чаще!» Восемь сажень. «Хорошо, брось еще разъ, да и полно!» Пять сажень! — «Это что значить? Людей на верхъ! Готовить якоря! Очищай канаты! Бросай чаще лотъ!»

Якоря готовы—сь. «Хорошо, стоять на пертуленяхъ и на рустовахъ! Чтобы обѣ бухты были чисты!» Девять сажень — лотъ проносить! — «Обнести дипъ—лотъ! Готово ли?» Готово! «Бросай!» Сто сажень пронесло! «Хорошо, убирай все по мѣстамъ; подвахтенные на низъ! Ну, слава Богу, все кончилось — а были на волосъ отъ гибели: со—ста сажень на—пять, съ девяти на—сто! Это опасныя каменъя».

Все успокоилось; къ свѣту мы опять направили путь къ Ямайкѣ; полагали что ушли отъ всѣхъ бѣдъ — но ночью нашель вдругъ страшный шквалъ, положившій фрегать на—бокъ, и во всю ночь продолжались жестокіе порывы шкваловъ. Гротъ—мачта дала трещину. Мы были миляхъ въ трехъ—стахъ подъ вѣтромъ у Ямайки, а на Кубу, занятый непріятелемъ,

намъ нельзя было спуститься. Команду посадили на половинную порцію.

Но и эта бѣда миновала: днѣй въ 12 вылавировали мы благополучно и вошли въ Мантего, на Ямайкѣ. Здѣсь застали мы еще нѣсколько своихъ военныхъ судовъ, — вычинились, запаслись чѣмъ нужно было, и на придачу повеселились. Черезъ нѣсколько днѣй мы опять вышли, и первая ночь на морѣ послала намъ новое бѣдствіе.

Грозныя тучи стояли на востокѣ, вѣтеръ завывалъ; что-то не доброе готовилось. Закрѣпили марсели. Къ полудню буря свирѣпѣла; въ третьемъ часу еще болѣе; въ четвертомъ была ужасна. Закрѣпили нижніе паруса и оставили фрегать подъ однимъ бизань-стакселемъ. Къ ночи показались всѣ признаки урагана; мы закрѣпили паруса запасными обносными сенями, на нижнія реи наложили штурмъ-тали; укрѣпили всѣ гребныя суда и пушки, наложили на орудія двойныя брюки; спустили вовсе брамъ-стеньги и лисель-спирты, убрали на ростры утлегерь и блиндарей; изготовили брезенты на люки, съ планками и гвоздями.

Птицы съ разныхъ сторонъ налетали и падали на фрегатъ. Изподъ вѣтра онъ попадали къ намъ только лавировкой, не смогая управить прямо противъ бури.

Въ 8 часовъ вечера дошелъ до насъ первый порывъ урагана. Вой и свистъ бури по вооруженію, ревъ водяныхъ горъ и хлябей, скрьпъ и трескъ всего фрегата, оглушали насъ. Къ талрепамъ и мачтамъ приставлены были плотники съ топорами, на случай внезапной перемѣны урагана, съ подвѣтра.

Я пошелъ на низъ, поужинать. Комисаръ очень хлопоталъ, опасаясь что у него сухари подмокнутъ. Два армейца, ничего не понимая и не смѣя никого спросить о томъ, что дѣлается, сидѣли, блѣдные какъ смерть и поглядывали другъ на друга и на сосѣдей своихъ. Штурманъ пиль и куриль спокойно; второй лейтенантъ былъ на вахтѣ, третій спалъ, готовясь на службу. Я самъ хотѣлъ уснуть, но нашелъ койку свою залитою; пазы въ палубѣ отъ качки раздались и вода отъ всплесковъ, бѣжала какъ въ рѣшето.

Капитанъ позвалъ меня на верхъ. Я не помню такого урагана, сказалъ онъ; но фрегать довольно хорошо держится на этомъ галсѣ, противъ волненія; каково-то будетъ, когда поверотимъ? А поверотить надо; вѣтръ отошелъ и насъ прямо несетъ на Кубу! Сходи на бакъ, продолжалъ капитанъ, да прикажи при себѣ отдать хоть половину фока, да натянуть шкотъ; когда фрегать придетъ на фордевиндъ, то мы тотчасъ уберемъ парусъ. — Фокъ изорветъ въ лахмотья, капитанъ, сказалъ я, и шкота осадить не успѣемъ: позвольте попробовать поверотить по вѣтру, поставивъ людей, вмѣсто паруса, на фокъ-ванты. Капитанъ согласился и мы счастливо повернули.

Но на другомъ галсѣ было менѣе покойно: фрегать лежалъ поперегъ волненія и его такъ кидало, что мы боялись за мачты. Бизань-стаксель изорвало въ мохры; даже — кто не видаль этого, не повѣрить — даже отъ другихъ парусовъ, закрѣпленныхъ и завязанныхъ сезнями, вырывало клочья!

Не смотря на всѣ осторожности наши, вода лилась въ палубу, черезъ расшатавшіяся пазы, и мы должны были прорубить нижнюю палубу, чтобы спустить воду въ трюмъ. Въ это время я увидалъ, что вода также пробивается бортами и струится по нимъ; вызвали къ помпамъ другую вахту. Въ констапельской течь! закричалъ помощникъ тимермана. «Молчать, дуракъ, чего ты орешь? Развѣ не знаешь, что обѣ этомъ надо въ полголоса доложить вахтенному лейтенанту, а не карауль кричать?» — Оказалось, что въ констапельской не было течи, а что вода пробивалась между обшивкой въ палубу.

Ночь, тьма, громъ и молнія, ревъ урагана — глядя на бѣдный фрегатъ, нельзя было полагать, чтобы его стало на долго. Капитанъ стояль привязавъ себя концемъ у навѣтренного борта; выshedъ на вахту я сдѣлалъ съ собой тоже: слишкомъ опасно было полагаться на однѣ ноги и руки.

Спустить было нижняя реи — сказалъ капитанъ — да нѣть возможности послать туда ни одного человѣка: не пришлось бы

рубить мачть. Течь прибывала; помпы часто портились; ужасный валь залиль всѣ шканцы и разбиль катерь на рострахъ въ щебки; фрегать легъ на бокъ... «Срубить гротъ—мачту!» Я вскочилъ на навѣтренные руслени, къ талрепамъ, боцманъ за мною, матросы съ топорами къ мачтѣ — но въ это время огромный валь весь вкатился на фрегать, переломалъ и снесъ все, сломилъ гротъ— и бизань—мачты и залиль палубу. Фрегать сталъ прямо, но готовъ быль итти кодну: онъ отяжелѣлъ, началъ садиться и волна за волной горою ходила черезъ него. Мы едва успѣвали переводить духъ, между тѣмъ какъ одна волна скатывалась, а другая набѣгала. Всякъ прочель короткую молитву и предалъ себя волѣ Создателя. Спасенія не было.

Фрегать на мели! Закричалъ я, послышавъ, междуударами волнъ, что его колотить объ дно морское. Никто не смѣль вѣрить радостной вѣсти этой, но скоро всѣ повѣрили: удары стали сильнѣе и сильнѣе.

Корма стояла на мели, а нось поворотился къ вѣтру: намъ удалось

наконецъ срубить фокъ-мачту, чтобы она не заворотила носу и не поставила фрегата лагомъ къ волненію. Нѣсколькихъ человѣкъ залило водой въ низу, другихъ снесло сверху за бортъ, пятерыхъ убило мачтой; прочие здравствовали, готовясь каждую секунду на смерть, но думая о спасеніи. Смерти не бояся, а живота ищи.

Заря занялась — фрегатъ стоялъ на каменьяхъ — по одну сторону огромный утесъ, по другую волны горами. При каждомъ ударѣ ожидали мы, что онъ разсыплется; а подъ скалой страшный прибой. Палубы провалились, но корпусъ еще держался. Если бы нась волненіемъ не перекинуло черезъ рифы и не принесло къ самому берегу, то не спасся бы ни одинъ человѣкъ. Благодаря Бога фрегатъ сталъ плотно между каменьевъ и его болѣе неколотило.

Оставалось думать только о своемъ спасеніи. Послушная команда ожидала приказаний: не было ни крику, ни шума, ни суеты; всѣ молча смотрѣли на капитана. Вызвали охотниковъ, изъ которыхъ двое

благополучно доплыли съ линемъ до берега — другихъ забило и утопило въ бурунѣ — линемъ этимъ передали пару кабельтовыхъ и закрѣпили ихъ на берегу, за каменья. По кабельту вся команда, а затѣмъ и офицеры въ порядкѣ перебрались на берегъ; я и капитанъ перешли послѣдними.

Грустно сидѣли мы по нагимъ каменьямъ берега, подъ крутымъ навѣсомъ скаль, и смотрѣли на остатки несчастного Феникса. Къ полудню ураганъ кончился; мы стали, что можно, спасать и перетаскивать съ фрегата; а между тѣмъ въ береговыхъ ямахъ, по каменьямъ, наловили много рыбы и сварили уху; ночь проспали спокойно.

Затѣмъ командиръ собралъ военный совѣтъ: нась разбило на непріятельскомъ берегу, на островѣ Кубѣ; но до перваго жилья было нѣсколько сотъ верстъ; можно было надѣяться, что Испанцы не тотчасъ узнаютъ объ нась, а потому и рѣшено было: исправить сколько можно, катеръ, и на немъ отправиться мнѣ съ охотниками на островъ Ямайку, за помощію. На другой же

день быль я уже на пути, съ четырмя молодцами и запасомъ харчей и воды на двѣ недѣли. Весь экипажъ проводилъ нась крикомъ ура.

Вѣтеръ былъ попутный, и хотя мы во все время отливались ведрами, но не съ большимъ въ сутки прибыли на Ямайку, въ заливъ Монтего. Здѣсь ураганъ также надѣлалъ страшное опустошеніе; но по близости я добылъ три малыхъ судна и на четвертыя сутки бросиль якорь у Кубы, противу бѣдствующихъ. На берегу меня подхватили и качая на рукахъ принесли къ капитану.

Всѣ мы на судахъ этихъ благополучно прибыли къ своимъ, на Ямайку, и такимъ образомъ избѣжали потопа и плѣна. Слава и благодареніе Богу.